

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В РОССИИ: О КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ Т.Н. ГРАНОВСКОГО²

Взгляд на культурную историю России и Европы трансформируется – одна мировоззренческая парадигма приходит на смену другой. Гегелевский панлогизм отрицается шпенглеровским органицизмом, формационный подход сменяется цивилизационным, эволюционизм – мультикультурализмом, теория прогресса – принципами нелинейного развития, детерминизм – синергетической парадигмой, логоцентризм – постструктуралистской стратегией исследования. Нарастающая сложность отношений между экономическими, культурными и политическими субъектами современной истории заставляет участников глобального проекта пересматривать представления о самих себе, искать адекватные вызовам времени интеллектуальные стратегии решения насущных проблем.

В общем универсально-унифицирующем тренде развития цивилизации с ее информационно-технологическим принципом организации социума, конкуренция картин мира, ценностных систем, образов жизни, социально-культурных и государственно-политических практик становится все более острой. Общества открытого типа, к которым относятся европейские страны с развитой демократической системой, способны организовываться на основе известных принципов демократии, ценностей правового государства, частной собственности, прав и свобод граждан, что в идеале мыслится универсальным условием интеллектуально-творческой самореализации личности. В классической философии либерализма человек понимается как сложный продукт процесса социализации, как «человек культуры», имеющий два измерения – личностное и общественное. Взаимодействие современного индивида и общества предстает в многообразии культурных практик, порождая

¹ Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета.

² Статья подготовлена при поддержке РФНФ: проект № 11-03-00492а, «Цивилизационные особенности России и специфика ее модернизаций».

ет многочисленные образцы социального поведения, формируя новую реальность социально-культурных, политических и хозяйственных отношений.

Конструктором новой социальной реальности в XX в. выступили культуры модерного типа, принадлежащие западноевропейской христианской традиции. Эти «локомотивы современности» на рубеже третьего тысячелетия вошли в стадию постмодерна. В то же время, Россия, обремененная трагической историей XX столетия, с большими издержками становится участником современного технологического проекта. Дополнительную трудность для России составляет нерешенный вопрос культурной и политической идентичности, спровоцированный не только кризисами развития, которое переживает любое общество, но настоящими цивилизационными срывами – дважды потерянной за XX в. страной, дважды разрушенным социальным и культурным укладом на фоне двух мировых войн и большевистского эксперимента с построением тоталитарного государства.

Как объяснить подобные исторические «неудачи» России, которая с трагической периодичностью выпадает из общеевропейского и мирового контекста цивилизационного развития, словно бы не может запустить эволюционные механизмы, совершенствующие социальную и политическую системы? В который раз в истории, проводя модернизацию в надежде догнать опередившую ее Европу или Америку, буксует, а если и достигает определенных результатов, то очень дорогой ценой. Напрашивается пессимистический вывод, что русское общество органически не способно к либерально-прогрессистскому типу развития. Этот тезис – главный аргумент тех, кто считает «русский код», «русскую матрицу», а, следовательно, и русскую культуру, ментально привязанной к традиционалистскому государству. Другое, не менее клишированное, на наш взгляд, мнение, распространенное среди политологов, берущихся делать историософские и культурологические выводы, продолжает связывать либерализм, в том числе и современный, с протестантским типом культуры. Общим для подобных мнений является категорический отказ в либеральном потенциале восточно-христианской традиции и тем странам, которые строили свою государственность на ее культурной основе.

Правильнее, на наш взгляд, было бы рассуждать в другом ключе. Нужно исходить из той фундаментальной посылки, что в основе христианской европейской и русской культуры лежит метафизика свободы. Ее богословская трактовка связана с обнаружением действий Духа Св. в реальности жизни человека и общества. Если европейская цивилизация этот опыт опосредовала культурным и социальным творчеством, выстроив срединное пространство отношений между индивидом и обществом, сбалансировав интересы различных социальных групп и скрепив их общественным договором и правом, то русская цивилизация этой границы между метафизической и социальной реальностью не обозначила. Лишь позже, в XIX в., это пространство «между» стало выстраиваться в творчестве русских писателей, композиторов, историков, публицистов, знаменовав собой классический период развития культуры. Великая русская классика была нашей европейской цивилизацией!

Русская государственность при переходе от Великого княжества к Царству Московскому, многое переняв от азиатского способа правления ордынских ханов, закрепила специфическую практику общественного бытия, ссылаясь на авторитет императора Юстиниана, на знаменитую преамбулу к шестой новелле о двух дарах Св. Духа – священстве и царстве, и о симфонии властей, совместно поддерживающих данный сакральный порядок и взаимно утверждающих легитимность друг друга.

Эта азиатско-византийская версия русской культурно-политической истории, казалось бы, должна была быть демонтирована глобальным европейским проектом Петра I. Но архетип самодержавной власти, имеющей сакральную легитимность, при всех плодах европеизации и секуляризации только зацементировал социальный порядок Российской империи, позволив ей до второй половины XIX в. сохранить институт личной и экономической зависимости крестьянства при слабости прав, прежде всего, третьего сословия.

Однако плоды европейского просвещения дали глубокие всходы. Через европейские образовательные институты – гимназии, лицеи, частные пансионы и университеты, через литературное творчество с его опытом исторического и духовно-нравственного самопознания национального бытия, через идейную самоорганизацию

русской образованной общественности, через включение в систему образования более широких слоев населения уже в пореформенной России замысел императора Петра о России как о европейской державе обрел реальную социальную плоть. При всей недостаточной реализации европейских культурных и политических свобод в России общим для двух христианских цивилизаций все же является концепт свободы, по словам апостола Иакова, «*совершенного закона*» (Иак.1,25). Свобода неотчуждаема от личности, является божественным даром человеку, и в этом смысле онтология свободы как основа политического либерализма составляет стержень и восточной, и западной духовной традиции.

В истории России политическая проекция философии свободы нашла свое воплощение в интеллектуальной и политической биографии ряда выдающихся представителей русской мысли XIX в. – в линии продуктивного синтеза ценностей национальной культуры и европейских гражданских институтов. Так, опыт первого российско-го реформатора-законоведа М.М. Сперанского, не выходя за пределы монархической конструкции власти, способствовал рационализации системы управления, скрыто обозначая правовой предел полномочий трона, что логически и неизбежно должно было привести к его десакрализации. Другим примером является один из самых острых блестящих русских умов, наследник богатейшей русской фамилии А.И. Герцен, который занял непримиримую критическую позицию к официальной власти, ища для России оптимальный «русский путь» освобождения от косности социального порядка – всех форм экономической и политической несвободы.

На этом пути к либерализации и модернизации социального порядка в Российской империи особое место занимает московский профессор всеобщей истории Т.Н. Грановский. Пройдя курс подготовки в Берлинском университете, он вернулся в Россию и с профессорской кафедры выступил с идеями просвещенного европеизма. Т.Н. Грановский укреплял в сердцах и умах молодого поколения мысль о стремлении к классическим ценностям культуры и образования, которые создают почву для индивидуального интеллектуального развития человека, делают его жизнь общественно полезной и исторически осмысленной, избавляют от традиционалистских

стереотипов коллективного сознания и, тем самым, продвигают его по пути освоения европейского модерна.

В чем состоит актуальность идей Т.Н. Грановского, каким образом его опыт способствовал изменению общественной атмосферы и, в конечном итоге, подготавливал политические реформы в стране, еще не освободившейся от крепостного права? Можно ли сегодня рассматривать интеллектуальную биографию Т.Н. Грановского в рамках истории русского либерализма – ведь Т.Н. Грановского никак нельзя, используя привычные мерки, отнести к категории людей политических? О выдающемся русском историке можно сказать то, что он адресовал Аристотелю, риторически вопрошая, может ли современный философ, историк, политик или критик обойтись без сочинений Стагирита, «когда дело идет о главных вопросах философии, политической жизни древних или искусства?»¹ По словам Т.Н. Грановского, сам Аристотель «был только представителем того умственного движения, которое началось гораздо прежде его и продолжалось еще долго по его смерти. Следовательно, – делает вывод историк – он может быть изучаем только в связи с тем целым, к которому принадлежит. Как отдельное явление он почти непонятен»².

Проводя параллель, мы вслед за Т.Н. Грановским, можем утверждать, что он сам важен нам как *представитель общественного движения, которое поставило вопрос о цивилизационной идентичности России – России европейской, положив начало блестящему интеллектуально-творческому феномену русского европеизма, который имел как культурные, так и политические проекции.*

Следуя собственному методологическому принципу Т.Н. Грановского, «при изучении каждого великого человека мы должны обратить внимание на *личность* его, на *почву*, на которой он вырос, на *время*, в которое он действовал. Из этого тройного элемента складывается его жизнь и деятельность»³.

Итак, *личность* Т.Н. Грановского. Кто этот человек, какова его роль в жизни целого поколения? Ответ содержится в знаменитом

¹ Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма / Сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. М., 2010. С. 462.

² Там же. С. 462.

³ Там же. С. 70.

некрологе (8 октября, 1855) «Два слова о Грановском», в котором И.С. Тургенев, хорошо знавший Т.Н. Грановского, дал эмоциональную, но чрезвычайно сущностную характеристику: «Чуждый педантизма, исполненный пленительного добродушия, он уже тогда внушал то невольное уважение к себе, которое столь многие потом испытывали. От него веяло чем-то возвышенно-чистым; ему было дано (редкое и благодатное свойство) не убеждениями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное в душе другого; он был идеалист в лучшем смысле этого слова, - идеалист не в одиночку. Он имел точно право сказать: "Ничто человеческое мне не чуждо", и потому и его не чуждалось ничто человеческое».¹ Т.Н. Грановский - педагог и просветитель, ставший моральным и интеллектуальным образцом для огромного числа людей, допущенных к образованию в России, - вот основная мысль И.С. Тургенева.

Второе условие для полноценного исторического анализа, которое советует учитывать Т.Н. Грановский, - *почва*. Интеллектуальной почвой для поколения Т.Н. Грановского были, в первую очередь, гегельянские кружки. Они развивались, по определению исследователя русской философии В.В. Зеньковского, в рамках внецерковного эстетического гуманизма. Это направление в 30-40-е гг. XIX в. «приобретает новую творческую силу, обнаруживает бесспорную живучесть, как основной принцип русского секуляризма»². Как отмечает В.В. Зеньковский, «у многих представителей этого течения мы встречаем подлинную и глубокую личную религиозность, которая кое у кого сохраняется на всю жизнь, - но это не мешает им вдохновляться началами автономизма, развивать свои построения в духе секуляризма. В этом смысле не случайно, что почти все защитники секуляризма оказываются в то же время «западниками», - т.е. открыто и прямо примыкают к западной секулярной культуре и стремятся связать пути русской мысли с проблемами Запада»³.

В.В. Зеньковский указывает также и на другую характерную черту этого направления, связывая ее с социально политическим радикализмом, «в котором по-новому воскресает и своеобразно

¹ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Сочинения: в 12 т. Т. 5. С. 326.

² Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч. 2. Ленинград, 1991. С. 39.

³ Там же.

углубляется "теургическое беспокойство" – чувство ответственности за историю и искание путей к активному вмешательству в ход истории». ¹ По мнению о. Василия Зеньковского, православного богослова и историка русской мысли, отмеченные черты «образуют идеологию русской внецерковно мыслящей интеллигенции, замыкающейся, по верному выражению одного писателя, в своеобразный "орден" – с прочной традицией в путях мышления, с своеобразной психологией секты – фанатической и нетерпимой» ².

С таким выводом В.В. Зеньковского можно согласиться лишь отчасти. Если В.Г. Белинский или М.А. Бакунин действительно по своим личностным характеристикам могут соответствовать социально-психологическим чертам сектантского поведения, то ни Н.В. Станкевич, ни тем более Т.Н. Грановский, которого В.В. Зеньковский, кстати, даже не упоминает в связи с кружком Н.В. Станкевича, под это определение никак не подходят.

Тезис о том, что русский секуляризм рос на почве европейского гуманизма и просвещения, кажется бесспорным. Но здесь требуется объективная оценка социокультурных результатов русской секуляризации по европейскому образцу – этой линии просвещенного русского европеизма, ярким представителем которого был Т.Н. Грановский. Европейская идентичность его историософских воззрений подтверждается метким определением роли Петра в судьбе Руси/России. Для Т.Н. Грановского Петр – это тот человек, «*который дал нам право на историю*» ³. Понятно, что право на историю в устах Т.Н. Грановского – это прямое указание на то, что именно европейскую историю, логику ее развития московский профессор считает определяющей во всеобщей истории.

Интересно еще одно свидетельство из биографии Т.Н. Грановского, говорящее в пользу его европейских умонастроений. Кажется бы, это бытовой сюжет, однако он весьма показателен в отношениях Т.Н. Грановского к традиционалистскому укладу древней московской столицы. Будучи членом Английского клуба, он, следуя прогрессистским европейским предпочтениям, оставил чванливый анахронизм Английского клуба и отдал свои симпатии Купеческому

Там же.

Там же.

Грановский Т.Н. Указ. соч. С. 421-422.

клубу, в деятельности котором почувствовал нечто живое и новое. Т.Н. Грановский заявил, что не хочет ничего общего иметь с «барской, пошлой, тупоумной Москвой, представителем которой является Английский клуб, с этой апатичной, ленивой Москвой, которая только спросонок важничает и, как старая баба, хвастается своим древним родом, своими прежними заслугами»¹. Добавим, что в 50-е гг. XIX в. Купеческий клуб стал немаловажным звеном в формировании гражданского самосознания русской общественности, вследствие чего его деятельность официальная власть в лице московского генерал-губернатора А.А. Закревского пыталась ограничить через введение «сословного» устава.

Очевидно, что в социальной истории России европеизм в своих научных, образовательных, художественных и интеллектуально-философских формах оказался исключительно значимым и плодотворным, став *культурной почвой и предпосылкой модернизации российской политической системы*. Так, путь образования русского общества Т.Н. Грановский напрямую связывал с западной научной традицией, указывая на «умственную связь России с европейской образованностью»². Говоря об успехах отечественной системы образования, Т.Н. Грановский подчеркивал: «Мы продолжали учиться у старших братьев наших, мы не отреклись от благ просвещения, но приобрели право критики и самостоятельного приговора»³.

Это право исторической критики и рефлексии над основаниями собственного бытия русским обществом приобреталось долго и трудно. Процесс изменений социального порядка был чреват многочисленными драматическими сюжетами. *Время жизни Т.Н. Грановского* пришлось на Николаевскую эпоху, лучшее свидетельство о которой, вероятно, принадлежит А.И. Герцену, состоявшему в близком общении с Т.Н. Грановским.

В главе XXV «Былого и дум» А.И. Герцен вспоминает эпоху кружков как время идейного самоопределения русской молодежи, указывая на причины появления этого сущностного для русской

¹ Цит. по: Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII - начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011. С. 405.

² Там же. С. 454.

³ Там же.

жизни социально-культурного феномена. По словам А.И. Герцена, это был ответ на неправду сложившегося общественного порядка в России, на то разложение, которое затронуло аристократический класс и правящие верхи: «Самое появление кружков, о которых идет речь, было естественным ответом на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни.

О застое после перелома в 1825 г. мы говорили много раз. Нравственный уровень общества пал, развитие было перервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни. Остальные – испуганные, слабые, потерянные – были мелки, пусты; дрянь александровского поколения заняла первое место; они мало-помалу превратились в подобострастных дельцов, утратили дикую поэзию кутежей и барства и всякую тень самобытного достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время их прошло.

Под этим большим светом безучастно молчал большой мир народа; для него ничего не переменялось, – ему было скверно, но не сквернее прежнего, новые удары сыпались не на его избитую спину. Его время не пришло. Между этой крышей и этой основой дети первые приподняли голову, может оттого, что они не подозревали, как это опасно; но, как бы то ни было, этими детьми ошеломленная Россия начала приходить в себя»¹.

Отмечая определенное сходство в умонастроениях своего круга и круга Н.В. Станкевича, под значительным влиянием которого сформировался Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, тем не менее, проводит границу между философской созерцательностью юных последователей Шеллинга, Фихте и Гегеля и более радикально настроенной молодежи, образцом для подражания которых было дело, начатое декабристами: «В тридцатых годах убеждения наши были слишком юны, слишком страстны и горячи, чтоб не быть исключительными. Мы могли холодно уважать круг Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философские системы, занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство. Мы мечтали о том, как начать в

¹ Герцен А.И. Былое и думы. М., 2003. С. 369-370.

России новый союз по образцу декабристов, и самую науку считали средством. Правительство постаралось закрепить нас в революционных тенденциях наших»¹.

После того, как правительство «разобралось» со студентами-смутьянами, превратив их в политических заключенных и ссыльных, пути русской молодежи стали расходиться. Размежевание отныне пошло по линии исторического самоопределения России, цивилизационного выбора путей ее развития в духе прославянского самобытничества Руси/России, с одной стороны, и универсализма западно-европейской культуры как основы русской цивилизации, с другой.

А.И. Герцен пишет: «В 1834 году был сослан весь кружок Сунгурова – и исчез. В 1835 году сослали нас; через пять лет мы возвратились, закаленные испытанным. Юношеские мечты сделались невозвратным решением совершеннолетних. Это было самое блестящее время Станкевичева круга. Его самого я уже не застал, – он был в Германии; но именно тогда статьи Белинского начинали обращать на себя внимание всех.

Возвратившись, мы помирились. Бой был неровен с обеих сторон; почва, оружие и язык – все было розное. После бесплодных прений мы увидели, что пришел наш черед серьезно заняться наукой, и сами принялись за Гегеля и немецкую философию. Когда мы довольно усвоили ее себе, оказалось, что между нами и кругом Станкевича опоры нет.

Круг Станкевича должен был неминуемо распуститься. Он свое сделал – и сделал самым блестящим образом; влияние его на всю литературу и на академическое преподавание было огромно, – стоит назвать Белинского и Грановского; в нем сложился Кольцов, к нему принадлежали Боткин, Катков и проч. Но замкнутым кругом он оставаться не мог, не перейдя в немецкий доктринаризм, – живые люди из русских к нему не способны.

Возле Станкевичева круга, сверх нас, был еще другой круг, сложившийся во время нашей ссылки, и был с ними в такой же чересполосице, как и мы; его-то впоследствии называли славянофилами. Славяне, приближаясь с противоположной стороны к тем же

жизненным вопросам, которые занимали нас, были гораздо больше их ринуты в живое дело и в настоящую борьбу.

Между ними и нами, естественно, должно былоделиться общество Станкевича. Аксаковы, Самарин примкнули к славянам, то есть к Хомякову и Киреевским. Белинский, Бакунин – к нам. Ближайший друг Станкевича, наиболее родной ему всем существом своим, Грановский, был нашим с самого приезда из Германии.

Если б Станкевич остался жив, – добавляет Герцен, – кружок его все же бы не устоял. Он сам перешел бы к Хомякову или к нам»¹.

Это идейное расхождение некогда близких по воззрениям людей стало *осевой развилкой в истории общественной мысли России*. Анализируя природу споров славянофилов и западников, российский философ культуры В.М. Межуев отмечает, «...общность России с Европой западники относили к будущему, полагая его в разуме, славянофилы – к прошлому, усматривая ее в сошедшем на землю вместе с пришествием Христа Святом духе»². Т.Н. Грановского А.И. Герцен однозначно отнес к западникам. Позже все же между ними произошло разделение, которое случилось на почве религиозных убеждений. Т.Н. Грановский оставался верующим христианином, для которого бессмертная душа была подлинной духовной реальностью, опытно переживаемой, а Бог – источником высшего нравственного идеала. А.И. Герцен был склонен видеть в религии социальный институт, инкорпорированный в систему политической власти как ее идеологическая основа, а источником моральных оценок для него служили личная воля и разум. Как считает В.М. Межуев, парадигмальное расхождение славянофилов и западников как раз и заключалось в вопросе, какое из двух начал – разум или дух – считать более универсальным. «Собственно, – пишет исследователь, – об этом и спорили просветители и романтики в Европе, западники и славянофилы в России. Хотя именно западники претендовали на звание "русских европейцев", ранние славянофилы были европейцами не менее их, но только мыслившими в ином – не просветительском (рационалистическом), а в религиозно-

¹ Там же. С. 371-372.

² Межуев В.М. «Русская идея» и цивилизационные особенности русского мира // Русский мир как цивилизационное пространство. М., 2011. С. 17.

христианском (мистическом) ключе. Отстаиваемый ими общественный идеал, получивший впоследствии название "русской идеи", был столь же универсален, как и у западников, но только в своем роде»¹.

Однако в вопросах философско-исторических, во взглядах на место России и ее будущность А.И. Герцен был убежденным союзником Т.Н. Грановского. Примечательно герценовское определение идейной рамки исторического курса, прочитанного Т.Н. Грановским. Эти мысли были высказаны А.И. Герценом в статье, опубликованной в «Московских ведомостях», № 142 от 27 ноября 1843 г., ставшей откликом на начавшееся 23 ноября 1843 г. чтение Т.Н. Грановским курса публичных лекций по истории средних веков. Охарактеризовав это явление как свободное и поэтическое, блестящий русский публицист отметил: «В самом событии этого курса есть что-то чрезвычайно поэтическое: в то время, когда трудный вопрос об истинном отношении западной цивилизации к нашему историческому развитию занимает всех мыслящих, и разрешается противоположно, является один из молодых преподавателей нашего университета на кафедре, чтоб передать живым словом историю того оконченного отдела судеб мира германо-католического, которого самобытно развивающаяся Россия не имела. Г-н Грановский, года три тому назад оставивший скамьи лучших германских университетов, посвятивший жизнь свою глубокому изучению европейской истории, выходит перед московским обществом не как адвокат средних веков, а как заявитель великого ряда событий, в их органической связи с судьбами всего человечества; его чтения не могут быть разрешением вопроса, но должны внести в него новые данные; он вправе требовать, чтоб, желая осуждать и отталкивать целую фазу жизни человечества, выслушали по крайней мере симпатический рассказ о ней. Благородную симпатию к своему предмету мы видели, глубоко тронутые, в первых прекрасных словах, которыми открыл г. Грановский курс свой. Эта симпатия, – продолжает рассуждать Герцен, – великое дело: в наше время глубокое уважение к народности не изъято характера реакции против иноземного; многие смотрят на европейское как на чужое, почти как на враждебное, многие боятся в общечеловеческом утратить русское. Генезис тако-

¹ Там же.

го воззрения понятен, но и неправда его очевидна. Человек, любящий другого, не перестает быть самим собою, а расширяется всем бытием другого; человек, уважающий и признающий права ближнего, не лишается своих прав, а незыблемо укрепляет их»¹.

Каким же выводом заключает А.И. Герцен свой рассказ о публичных лекциях Т.Н. Грановского? «Мы должны уважить и оценить скорбное и трудное развитие Европы, – пишет будущий эмигрант и автор "С того берега", – которая так много дает нам теперь; мы должны постигнуть то великое единство развития рода человеческого, которое раскрывает в мнимом враге – брата, в расторжении – мир: одно сознание этого единства уже дает нам святое право на плод, выработанный, потом и кровью, Западом; это сознание с нашей стороны есть вместе мысль и любовь – оттого оно так легко; логика и симпатия всего менее теснят человека: человек создан, чтоб думать и любить»².

В XXIX главе «Былого и дум» А.И. Герцен вновь вернется к интеллектуальной характеристике Т.Н. Грановского и многозначительно подчеркнет, что сила влияния его личности и его научной деятельности была новой общественной и нравственной альтернативой лицемерному официозу, выражая «постоянный, глубокий протест против существующего порядка в России»³.

Публичный курс Т.Н. Грановского в скрытой форме ставил вопрос об исторических путях развития России, вступая тем самым в очевидную конфронтацию с идеологами правительственного официоза⁴. Об этом свидетельствует и сам Т.Н. Грановский, который за несколько дней до начала лекций писал Н.Х. Кетчеру: «Я надеюсь /.../ высказать моим слушателям en masse такие вещи, которые я не решился бы сказать каждому поодиночке. Вообще хочу полемизировать, ругаться и оскорблять. Елагин сказал мне недавно, что у меня много врагов /.../ источник вражды в противоположности мнений. Постараюсь оправдать и заслужить вражду моих "врагов"».⁵ А

¹ Герцен А.И. Публичные чтения г. Грановского (Письмо в Петербург) / Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 2. Статьи и фельетоны 1841-1846. Дневник 1842-1845. М., 1954.

² Там же.

³ Герцен А.И. Былое и думы. С. 446.

⁴ К оценке лекций Т.Н. Грановского А.И. Герцен будет еще неоднократно возвращаться в своем дневнике (записи от 28 ноября, 1, 11, 21 декабря 1843 г.).

⁵ Т.Н. Грановский и его переписка. Т. II. С. 459.

в письме к Н.Х. Кетчеру от начала декабря 1843 г., после четвертой лекции курса, Т.Н. Грановский отмечает: «Шевырева я уже несколько раз выводил на сцену: я указывал на него, когда говорил о людях, отрицающих философию истории, я говорил о нем по поводу риториков IV и V века, по поводу язычников староверов»¹.

В лекциях Т.Н. Грановского история представляла текстом, требующим внимательного чтения и интерпретации – обязательной процедуры понимания и прояснения смысла происходивших и свершающихся в ней событий, т.е. *личных интеллектуальных усилий, сопряженных с поиском истины, а значит и с пересмотром устоявшихся исторических клише*. По мысли Т.Н. Грановского, испытывавшего сильнейшее влияние Гегеля, история – это такой процесс, который репрезентирует разумное развитие человечества, накапливающее в своем социальном опыте и памяти понятия и идеи. В этом смысле история науки становится частью социальной истории, демифологизируется, обретая новый источник развития и движущую силу – человеческий разум. Тем самым, ее субъектом становится личность, имеющая право на индивидуальный выбор, другими словами, на *свою собственную идею*. По словам Б.Н. Чичерина, Т.Н. Грановский, делая необходимое историографическое введение к своему курсу, именно «с удивительной ясностью и широтой излагал движение идей»².

Напрямую обратившись с профессорской кафедры к современникам, Т.Н. Грановский пытался донести до них мысль о том, что исторический опыт народов хранит духовно-эстетические ценности и нравственные идеалы, связывая временное и вечное в индивидуальной и общественной жизни. Сегодня в основание проекта современного мира закладывается опасная тенденция *антиисторизма* (в форме сознательного отказа от истории как процесса развития, имеющего внутреннюю цель, или в форме эмоционально-психологической атрофии исторического чувства, связанного с ощущением исчерпанности большого времени). Эту ситуацию прозорливо предвидел Т.Н. Грановский, борясь за *право знать историческую правду*. Во многом антиисторические умонастроения по-

¹ Там же. С. 460. Профессор истории С.П. Шевырев, не отказывая в профессионализме автора публичного курса, признавая успех чтений у публики, выступил с критикой лекций на страницах «Москвитянина». 1843. № 12.

² Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 45.

рождены установками постмодерна, который не случайно иногда трактуют как отказ от христианской парадигмы культуры и истории. В этой ситуации Россия оказывается перед необходимостью творческого ответа на глобальный вопрос современности, вновь принимая попытку политической и социально-экономической модернизации. Понятно, что вне опоры на свои духовно-интеллектуальные традиции сделать это не возможно. Но ответ возникает на границе, в диалогическом сопряжении культур. Правильно поставленный вопрос, как учил Т.Н. Грановский, будет способствовать правильному выбору решения, извлекая новое историческое знание, продуцирующее смыслы для строительства современного общества, его культуры и общественно-политического устройства.

Как представляется, актуализация интеллектуального наследия Тимофея Николаевича Грановского, историка, гуманиста, европейца и либерального мыслителя, будет способствовать трансляции *ценностей русской либеральной культуры и ее подлинных моральных образцов* в смысловое пространство общественной жизни России на ее пути к *актуальному модерну*.